

Олег Витальевич Горбачев
(Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург)

**Раннесоветская провинциальная бюрократия:
социально-демографический портрет
по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 года***

Наиболее востребованным источником социально-демографической истории раннесоветского общества традиционно считается Всесоюзная перепись населения 1926 г. Основным ее недостатком, при всей информативности этого источника, является отсутствие первичной информации. Итоги переписи 1926 г., как и большинства прочих советских и постсоветских переписей, представлены в агрегированном виде. В результате ряд существенных характеристик советского общества 1920-х гг. не поддается реконструкции и типологизации на микроуровне, включая проблемы социальной стратификации и вопросы эволюции семьи.

Именно этим обстоятельством продиктована необходимость обращения к материалам Всесоюзной партийной переписи 1922–1924 г. Хотя компартия не была массовой (на начало 1922 г. ее численность составляла 410 тыс. чел. при том, что в европейской части РСФСР по переписи 1920 г. проживало 65 млн. чел.)¹, именно в партийной среде в первую очередь проявились те изменения, которые происходили в поведении и сознании людей, попавших в зону идеологического (партийного) влияния и контроля.

Долгое время изучались лишь сводные данные переписи. Что касается первичных документов, то к ним обращались Т. П. Теплякова, С. В. Воробьев, И. А. Пашков и др.² Благодаря их трудам были раскрыты сюжеты о роли переписей в партийном строительстве, в том числе для проведения чисток; реконструкция социального портрета партийных кадров, их карьерных стратегий. При этом

* Тема исследования поддержана грантом Российского Фонда фундаментальных исследований № 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам партийных переписей 1920-х гг.».

¹ *Население Советского Союза. 1922–1991*, Moskwa 1993, s. 8.

² С. В. Воробьев, *Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.*, дис. ... кин, Swierdłowski 2004; И. А. Пашкова, *Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х гг. (опыт создания базы данных)*, [w] *Региональный банк данных: Урал в XX в.*, Jekaterynburg 1993; Т.П. Теплякова, *Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии*, дис. ... кин, Moskwa 1983

демографические характеристики членов партии изучались использовались либо фрагментарно, либо игнорировались.

Для исследования использовался массив первичных материалов Всесоюзной партийной переписи по Екатеринбургской губернии, сохранившийся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)³. Он гораздо более полный в сравнении с аналогичным, доступным в РГАСПИ, поскольку опросные листы нередко сопровождаются дополнительными материалами о коммунисте.

В ходе переписи заполнялось шесть различных бланков. Наибольший интерес для изучения семьи представляет бланк «А». Он составлялся на каждого члена партии в двух экземплярах, один экземпляр передавался в губернский комитет партии, другой – в Секретариат ЦК.

В бланке «А» содержится 59 пунктов, часть из которых включали многоуровневую информацию, организованную в форме таблиц. Вопросы бланка можно разделить на несколько тематических блоков. Первый блок фиксировал данные о партийной ячейке. Вопросы с 4 по 11 относились к личности опрашиваемого: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, разговорный язык, религиозные убеждения и т. д. В этот же блок входили вопросы о семье, сформулированные весьма лаконично: сколько работников в семье и сколько иждивенцев (исключая самого опрашиваемого). При составлении базы данных возникает необходимость определить, к какой категории нужно отнести самого опрашиваемого. Мужчина, имея место работы, должность и получая заработную плату, чаще всего причислялся к работникам, женщина – домохозяйка (замужняя) указывалась иждивенкой. Те, кто жил своим хозяйством (крестьяне, ремесленники), также были отнесены к работникам.

Следующий блок вопросов касался грамотности и полученного образования. Далее, в таблице «Социальное и национальное происхождение», в соответствии с распространенными в тогдaшнем обществе установками на патриархальную семью, указывались происхождение и занятия деда по отцу, отца и матери. Дополнительно отмечался источник средств их существования (использовали ли наемный труд).

Много внимания в анкете было уделено трудовой деятельности члена партии: в период до 1917 г. и после (табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 года до настоящего опроса»). Такая структура анкеты дает возможность проследить социальные и профессиональные изменения как в сравнении со статусом родителей, так и с ранними этапами трудовой карьеры члена партии.

Табл. IV «Партийный стаж» (вопр. 34–39) позволяет составить представление о дате приема в партию и статусе респондента (рядовой член или нет), а также выяснить, в каких партиях он еще состоял. Табл. V «Революционный стаж» (вопр. 40–41) включает сведения о политической деятельности члена партии до революции, в каких акциях он принимал участие (стачки, восстания и проч.), сидел ли в тюрьме и проч.

³ Центр документации Свердловской области [dalej: ЦДООСО], zespr. 76, inw. 1, sygn. 557–645.

В переписном бланке уделено внимание также характеристике культурных потребностей члена партии, его участию в общественной жизни (43–44): читает ли он газеты и журналы, какие именно, как часто, где читает, участвует ли в работе профсоюза. Отдельная таблица в бланке была отведена под сведения о военной службе опрашиваемого (табл. VI), в т. ч. нужно было отметить, в какой армии он служил (царской, белой, зеленой, красной), в каком воинском звании, продолжительность службы и участие в боевых действиях. Последний блок вопросов уточняет степень и характер связи члена партии с деревней, сельским хозяйством.

По данным партийной переписи, в Екатеринбургской губернии в 1922 г. насчитывалось 874 партийные организации с общим числом членов и кандидатов партии 14 662. Из них было переписано 12038, т. е. 94,2%.

Анализ распределения членов партии по социальному происхождению демонстрирует преобладание групп рабочих и крестьян (соответственно 48,0% и 30,8%). Доля служащих существенно меньше – 9,5%. Такое соотношение не должно вводить в заблуждение – большинство членов партии в тот период стремительно пополняли ряды формирующейся партийной и советской бюрократии.

Около 2/3 (77,3%) членов партии в Екатеринбургской губернии имели начальное образование. Удельный вес имевших высшее и среднее образование, не превышал 3%. Доля неграмотных составила 6,5% – это, как правило, были крестьяне, а также рабочие. В целом распределение по социальному происхождению и уровню образования соответствует общим параметрам традиционного общества.

Особенностью партийной организации Екатеринбургской губернии был высокий удельный вес рабочих (48,0%), что являлось отражением экономической структуры региона, где горнозаводская промышленность играла большую роль. Почти треть (32,7%) членов партии проживала в городах и 67,2 % – в сельской местности (деревнях и заводах)⁴. Причем даже в сельской местности удельный вес крестьян в составе партии составлял не более 40,0%⁵.

89,4% членов парторганизации составляли мужчины (13105 чел.); более половины (64,6%) – молодежь до 35 лет.

С целью изучения переписи была проведена случайная выборка, объем которой составил 517 анкет (3,5 % от всей совокупности). Оценка репрезентативности выборки была проведена на основе сравнения ее параметров с генеральной совокупностью. Имеется заметное расхождение по показателям социального состава партийной организации: по итогам разработки материалов переписи удельный вес рабочих в структуре партийных организаций Екатеринбургской губернии составил 41,5%, крестьян – 37,8%, а служащих – 15,7%⁶; в выборке удельный вес рабочих и крестьян заметно ниже (17,6% и 18,9% соответственно). Напротив, советские служащие, партийные функционеры,

⁴ ЦДООСО, зесп. 76, инв. 1, sygn. 645 а, к. 1-2.

⁵ ЦДООСО, зесп. 76, инв. 1, sygn. 465б, к. 10.

⁶ Рассчитано по: ЦДООСО, зесп. 76, инв. 1, sygn. 645а, к. 4.

работники силовых структур составили более половины членов партии (57,2 %) ⁷ (Рис. 1.). Причина расхождения кроется в том, что при разработке итогов переписи социальное происхождение определялось по характеру занятий опрашиваемых до революции. К 1922 г. большинство из них уже получили «портфель», т.е. перешли в категорию советских и партийных служащих.

Распределение респондентов по сферам занятости, %

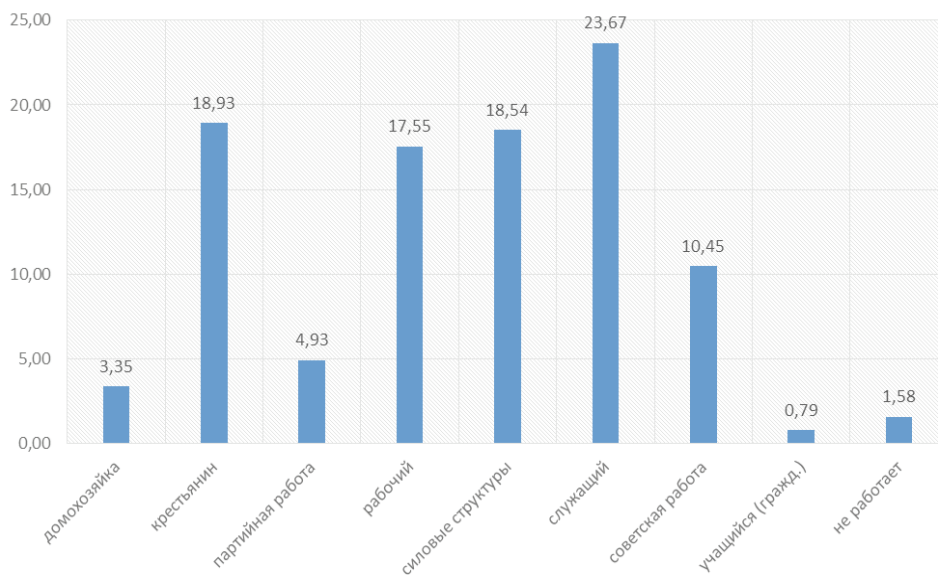

Рис. 1. Распределение членов партии Екатеринбургской губернии по сферам занятости в 1922 г.

Основываясь, с одной стороны, на выделенных М. Вебером признаках бюрократии, а с другой, на характере раннесоветского общества (принцип «диктатуры пролетариата» и отсутствие принципа разделения властей), я счел возможным отнести к бюрократии коммунистов – представителей следующих групп:

- 1) партийные работники,
- 2) советские работники,
- 3) служащие,
- 4) представители силовых структур.

⁷ Здесь и далее, если нет ссылок, показатели рассчитаны на основе выборки. ЦДООСО, zesp. 76, inv. 1, sygn. 557 – 574.

Четвертая категория – наиболее спорная с точки зрения принадлежности к бюрократии. Тем не менее, считаю нужным сохранить ее в аналитической разработке, поскольку многие решения в раннесоветский период носили чрезвычайный характер. Кроме того, включение этой группы в анализ помогает провести межгрупповые сравнения и в конечном счете составить более целостный портрет провинциальной власти. Таблица 1 демонстрирует распределение губернской партийной бюрократии по возрасту и видам занятости.

Таблица 1.

Возраст	Всего		Партийная работа		Советская работа		Служащие		Силовые структуры	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
15-19	12	4.11	3	12.00	2	3.77	6	5.00	1	1.06
20-24	64	21.92	6	24.00	6	11.32	16	13.33	36	38.30
25-29	81	27.74	6	24.00	8	15.09	34	28.33	33	35.11
30-34	61	20.89	3	12.00	15	28.30	31	25.83	12	12.77
35-39	40	13.70	5	20.00	16	30.19	12	10.00	7	7.45
40-44	23	7.88	2	8.00	5	9.43	12	10.00	4	4.26
45-49	11	3.77		0.00	1	1.89	9	7.50	1	1.06
Итого	292	100.00	25	100.00	53	100.00	120	100.00	94	100.00

Как видим, около 70% всех представителей бюрократии концентрировались в возрастной группе 20–34 года. Для *освобожденных партийных работников и силовиков* возрастная «вилка» еще меньше – 20–29 лет, хотя в среде партийных работников существенна группа «ветеранов» (35–39 лет). Вызывает интерес, что *руководящие советские работники* были более возрастными (доминирует группа 30–39 лет) по сравнению с другими управленцами. Ориентация на карьеру *провинциального служащего* через вступление в партию была наиболее характерной для возрастной группы 25–34 года. Наибольшие карьерные возможности, по всей видимости, обеспечивала работа в партийных органах и силовых структурах, что и объясняет повышенный приток молодежи в эти структуры.

Распределение управленцев по уровню образования демонстрирует требование минимальной грамотности для занятия должности в системе власти: абсолютное большинство коммунистов имели начальное образование, либо были самоучками (таблица 2). Доля лиц со средним образованием была наибольшей в среде партийных управленцев.

Таблица 2.

	Всего		Партийная работа		Советская работа		Служащие		Силловые структуры	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Неграмотный	3	1.03	0	0.00	0	0.00	2	1.67	1	1.06
Начальное /самоучка	242	82.88	19	76.00	51	96.23	94	78.33	78	82.98
Среднее	39	13.36	5	20.00	2	3.77	19	15.83	13	13.83
Высшее	8	2.74	1	4.00	0	0.00	5	4.17	2	2.13
Итого	292	100	25	100	53	100	120	100	94	100

Анализ социального происхождения бюрократии был проведен по занятию отца. Предпочтение рабочего происхождения очевидно только в категории служащих, что можно объяснить более жесткими требованиями при приеме в партию этой наиболее политически сомнительной категории бюрократии. Среди освобожденных партийных работников наибольшей оказалась доля интеллигенции (12% указали, что они из служащих), что вполне объяснимо с учетом социального состава раннебольшевистского руководства в целом (доля интеллигенции в этой среде была традиционно высока).

Таблица 3.

Социальное происхождение (по занятию отца)	Всего		Партийная работа		Советская работа		Служащие		Силловые структуры	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Из рабочих	105	35.96	8	32.00	18	33.96	50	41.67	29	30.85
Из крестьян	136	46.58	11	44.00	31	58.49	49	40.83	45	47.87
Из ремесленников	20	6.85	1	4.00	2	3.77	10	8.33	7	7.45
Из служащих	18	6.16	3	12.00	0	0.00	7	5.83	8	8.51
Прочие	13	4.45	2	8.00	2	3.77	4	3.33	5	5.32
Итого	292	100	25	100	53	100	120	100	94	100

Всесоюзная партийная перепись дает также возможность анализа состава семьи и семейных стратегий представителей раннесоветской провинциальной бюрократии. Проблемы изучения семьи членов партии на основе материалов переписи до сих пор не поднималась, скорее всего, из-за внешней скудости исходной информации. В индивидуальном переписном бланке (А) выделено

всего два прямых вопроса о семье: сколько работников и сколько иждивенцев в семье члена партии. Однако, если их соотнести с другой, сопряженной социально-демографической информацией (социальное происхождение, возраст, национальность, род занятий и проч.), то возникает возможность, во-первых, выявления существующих социальных типов семей, а во-вторых, уточнения представлений о семье участников переписи.

Здесь мы приводим лишь два показателя, характеризующих численность семей советских управленцев и количество работающих членов семьи.

Средняя численность семей партийной бюрократии в целом демонстрирует ее приверженность ценностям традиционной семьи – доминируют большие семьи (Таблица 4). Обращает на себя внимание большое количество одиночек среди представителей силовых структур, что представляется логичным.

Таблица 4

Размер семьи, чел.	Всего		Партийная работа		Советская работа		Служащие		Силовые структуры	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	50	17.12	3	12.00	5	9.43	15	12.50	27	28.72
2	42	14.38	4	16.00	8	15.09	23	19.17	7	7.45
3	56	19.18	4	16.00	9	16.98	23	19.17	20	21.28
4	55	18.84	1	4.00	14	26.42	21	17.50	19	20.21
5	37	12.67	4	16.00	6	11.32	17	14.17	10	10.64
6 и более	52	17.81	9	36.00	11	20.75	21	17.50	11	11.70
Итого	292	100	25	100	53	100	120	100.00	94	100

Не менее показательным с точки зрения преобладающей семейной модели выглядит и показатель количества работников в семье. Мы исходим из того, что наличие только одного работника свидетельствует о традиционном патриархальном типе семьи (Таблица 5). Наибольшая доля семей с одним работником наблюдается среди служащих, а самыми «продвинутыми», тяготеющими к современному типу были семьи партийных работников, хотя и в этой группе традиционные семьи доминировали.

Таблица 5.

Количество работников в семье	Всего		Партийная работа		Советская работа		Служащие		Силовые структуры	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	230	78.77	17	68.00	41	77.36	96	80.00	76	80.85
2	47	16.10	5	20.00	8	15.09	20	16.67	14	14.89
3	11	3.77	2	8.00	2	3.77	4	3.33	3	3.19

4 и более	4	1.37	1	4.00	2	3.77	0	0.00	1	1.06
Итого	292	100	25	100	53	100	120	100	94	100

Для оценки динамики социально-демографической структуры раннесоветской бюрократии представляется перспективным сопоставление полученных данных с результатами партийной переписи 1927 г., хотя такое сравнение будет иметь неизбежные ограничения, продиктованные информационной скудостью ее формуляра.

Таким образом, на основе анализа первичной информации Всесоюзной партийной переписи 1922 г. можно составить обобщенный портрет раннесоветского управленца - члена ВКП (б). Это молодой мужчина с начальным образованием, выходец из крестьян, либо рабочих; одиночка, или же проживающий в большой традиционной семье. Перепись также демонстрирует очевидные различия между отдельными группами управленцев.

Партийные работники и представители силовых структур в среднем были более молодыми; самыми возрастными были советские работники. Партийные работники были несколько более образованными. При назначении на должности служащих и в силовые структуры особенно тщательно выдерживался принцип социального происхождения (из рабочих и крестьян). При том, что в среде партийных работников наибольшей была доля выходцев из больших семей, что свидетельствует о приверженности патриархальным ценностям, именно в этой среде получила наибольшее распространение современная эгалитарная семья (с двумя работающими членами семьи).

Streszczenie

Oleg Gorbaczew

Wczesnosowiecka prowincjonalna biurokracja: portret społeczno-demograficzny na materiałach wszechrosyjskiego spisu partyjnego z 1922 roku

Za najbardziej popularne źródło historii społeczno-demograficznej wczesnosowieckiego społeczeństwa tradycyjnie uważa się Wszechzwiązkowy spis ludności z 1926 r. Jednak dane tego spisu podawane są w postaci zagregowanej, dlatego warto cofnąć się do Wszechzwiązkowego spisu partyjnego z lat 1922–1924. Autor na podstawie analizy tego spisu opracował ogólny obraz wczesnosowieckiego administratora/członka partii komunistycznej. To młody mężczyzna z podstawowym wykształceniem, pochodzący z włościan lub robotników, kawaler lub człowiek żyjący w tradycyjnej licznej rodzinie. Charakterystyczne, że analiza spisu pokazuje znaczne różnice między poszczególnymi grupami administratorów.

Summary

Oleg Gorbachev

Early-Soviet provincial bureaucracy: Portrait of socio-demographic on materials the All-Russian party census of 1922

As the most popular source of socio-demographic history of early Soviet society is traditionally considered All-union census of 1926. However, the data of the census are given in an aggregated form, therefore the author proposes to go back to the All-Union party census in the years 1922-1924. The author based on the analysis of this inventory developed general picture of early Soviet administrator / member of the Communist Party. This is a young man with basic education, coming from peasants or workers, a single man or living in traditional large family. Characteristically, that the analysis of the census shows significant differences between particular groups of administrators.

